

Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви

Е. А. Коваль^{1,2}С. Г. Ушкин^{3,4}А. А. Сычев^{2,5}Н. В. Жадунова² ✉

¹ Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Саранск, Российская Федерация)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет (г. Саранск, Российская Федерация)

³ Научный центр социально-экономического мониторинга (г. Саранск, Российская Федерация)

⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения (г. Москва, Российская Федерация)

⁵ Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, Российская Федерация)
✉ zhadunovan@mail.ru

Аннотация

Введение. В религиозном сознании далеко не всегда четко дифференцируются канонические нормы, обычаи и суеверия, регулирующие распространенные церковные практики. В результате подмена канонических норм и обычаев суевериями ведет к искажению нормативных оснований религиозных практик. Цель статьи – основываясь на результатах авторского социологического исследования выявить субъективные оценки и определить уровень объективного знания священнослужителей и прихожан о практиках, которые в религиозном сознании маркируются как нормативные и ненормативные.

Материалы и методы. Эмпирической базой послужили данные социологического опроса, проведенного в октябре – ноябре 2022 г. среди священнослужителей и прихожан Мордовской митрополии Русской православной церкви по интерактивной анкете. Применение компаративного метода позволило выявить различия в восприятии канонов, обычаев и суеверий двумя группами опрошенных. В рамках исследования апробированы авторский социологический инструментарий и методы обработки результатов исследования. Поскольку прихожане, и особенно священнослужители, – труднодоступные группы респондентов, использован невероятностный подход к формированию выборки, что повлекло за собой ряд ограничений исследования.

Результаты исследования. Проанализированы субъективные и объективные оценки уровня религиозной грамотности, компонентами которой выбраны знания о канонах, обычаях, суевериях. И священнослужители, и прихожане продемонстрировали достаточно высокий уровень осведомленности о нормативных основаниях религиозных практик, хотя самооценка части прихожан завышена. Выявлены общие представления о нормативном и ненормативном, понятиях «канон», «обычай», «суеверие». Обнаружены расхождения по поводу оценки отдельных практик.

© Коваль Е. А., Ушкин С. Г., Сычев А. А., Жадунова Н. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Определены факторы, группирующие переменные, демонстрирующие разный характер знаний респондентов о канонах, обычаях, суевериях: знания, позволяющие отличать обычаи и каноны от суеверий; знания обычаев, касающихся событийных ситуаций; знания канонов, относящиеся к специальным религиозным знаниям, в том числе регламентирующим деятельность священнослужителей. Статья будет полезна исследователям религиозных практик и религиозного сознания, а также преподавателям духовных учебных заведений.

Ключевые слова: социология религии, религиозное сознание, православие, церковные нормы, канон, обычай, суеверие, священнослужитель, прихожанин

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика».

Благодарности. Авторы благодарят рецензентов, чьи замечания позволили улучшить качество текста, а также священнослужителей и прихожан Мордовской митрополии Русской православной церкви, принявших участие в исследовании.

Для цитирования: Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви / Е. А. Коваль [и др.] // Региология. 2023. Т. 31, № 3. С. 584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>

Original article

Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church

E. A. Koval^{a,b}, S. G. Ushkin^{c,d}, A. A. Sychev^{b,e}, N. V. Zhadunova^b ✉

^a Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation)

^b National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^c Scientific Center for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation)

^d Russian Public Opinion Research Center (Moscow, Russian Federation)

^e Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)

✉ zhadunovan@mail.ru

Abstract

Introduction. The canonical norms, customs and superstitions that regulate common church practices are not always clearly differentiated in religious consciousness. As a result, the substitution of superstitions for canonical norms and customs leads to a distortion of the normative foundations of religious practices. The purpose of this study is to identify the level of subjective and objective knowledge of clergy and parishioners about normative and non-normative religious practices based on the results of the authors' sociological research.

Materials and Methods. The empirical base is the data of a sociological study conducted in October–November 2022 among the clergy and parishioners of the Mordovia Metropolis of the Russian Orthodox Church with interactive questionnaire. A non-probabilistic approach to sampling was used; respondents were recruited through own networks of researchers. The use of comparative method made it possible to identify differences in the perception of canons, customs and superstitions by two groups of respondents. Within the framework of pilot study, the author's sociological tools and methods for result processing were tested. Since parishioners and especially clergy are a hard-to-reach group of respondents, a non-probability approach was used to form the sample. This entailed a number of limitations of the study.

Results. Subjective assessments of the level of religious literacy were analyzed, including the knowledge about canons, customs and superstitions. Not only the clergy, but also parishioners demonstrated a comparatively high level of awareness of the normative foundations of religious practices, although some parishioners have an inflated self-esteem. General ideas about the concepts of normative and non-

normative were revealed, none of the respondents had any objections to the definition of the concepts of “canon”, “custom”, “superstition”. However, discrepancies were found regarding the assessment of some practices.

Discussion and Conclusion. Four factors were identified, in which variables are grouped, demonstrating the different nature of respondents’ knowledge about canons, customs and superstitions: knowledge to distinguish customs and canons from superstitions; knowledge of the customs relating to events and situations; knowledge of the canons; knowledge of the canons relating to special religious knowledge, including those regulating the life of clergy. The article will be useful to researchers of religious practices and religious consciousness, as well as lecturers of the theological educational institutions.

Keywords: sociology of religion, religious consciousness, Orthodoxy, religious norms, canon, custom, superstition, clergyman, parishioner

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-00001 “Normative Dimensions of Christian Canons: Tradition and Dynamics”.

Acknowledgements. The authors thank the reviewers, whose comments improved the research, as well as the clergy and parishioners of the Mordovia Metropolis of the Russian Orthodox Church who took part in the sociological survey.

For citation: Koval E.A., Ushkin S.G., Sychev A.A., Zhadunova N.V. Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>

Введение. Православие составляет основную часть религиозного ландшафта России. О своей приверженности ему сообщает порядка 63 % соотечественников¹, но если рассматривать структуру воцерковленности, то она достаточно разнородна, а порой синкретична. Практика показывает, что «называя себя православными, одни россияне ведут приписываемый церковью образ жизни, а другие не верят в Бога и не ходят в церковь даже по большим праздникам» [1, с. 244]. Мотивы религиозного поведения часто определяются не столько внутренними побуждениями, сколько традицией, региональной спецификой и др.

Часто исследования религиозности и воцерковленности не сосредоточены на дискурсивном анализе религиозных норм и их восприятия населением. Более того, консервативные академические исследования нацелены на изучение статистически значимых дефиниций, а не мнений представителей труднодоступных религиозных сообществ, чья позиция, как принято считать, слабо экстраполируется на общество в целом [2, с. 454].

Православие и отнесение себя к нему становится скорее не смысловым, а идентификационным конструктом [3]. Большинство называющих себя православными в действительности не прибегают к религиозным практикам либо такие практики в их жизни редуцированы до нескольких эпизодов (крещение, венчание, посещение храма на Пасху, отпевание), а религиозность никак не влияет на те нормы и ценности, которыми они руководствуются в повседневной жизни [4, с. 275]. Предположительно, они не обладают даже минимальным религиозным образованием, не хранят семейные религиозные традиции

¹ Отношение к РПЦ и патриарху [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14717> (дата обращения: 07.12.2022).

и ориентируются на свое ближайшее окружение в вопросах о религиозных практиках, поскольку массовая религиозность заявила о себе в период, когда общество было глубоко травмировано социально-политическими трансформациями 1990-х гг. и искало новые идентификационные основания, способные заменить идеологию «советского человека» [5, с. 46].

Главными носителями религиозного знания принято считать священнослужителей и тех, кто периодически посещает храм, участвует в таинстве евхаристии (в дальнейшем для упрощения будем называть их прихожанами, осознавая ограничения данного термина). Однако насколько четко и те, и другие могут дифференцировать нормы, которые регламентируют распространенные церковные практики? И, что самое важное, могут ли они отличать каноны и обычаи от околочерковных суеверий, которые маскируются под веру, но не имеют вероучительных оснований, а иногда и прямо противоречат им? Например, в бывших советских странах, где религия ограничивалась коммунистическим режимом, наблюдается как низкий уровень религиозности, так и склонность к суевию [6]. Региональные социологические исследования выявляют аналогичную тенденцию: «относительно низкая значимость религиозных ценностей и минимальная конфессиональная активность на фоне почти полностью восстановленной церковной инфраструктуры показывают, что современные православные Мордовии признают авторитет Церкви и ее предписания относительно образа жизни практически в той степени, в которой сами считают необходимым с точки зрения своих интересов» [7].

Цель статьи – на основании авторского социологического исследования проанализировать уровень субъективного и объективного религиозного знания о канонах, обычаях и суевериях среди священнослужителей и прихожан, а также выявить проблемные аспекты нормативной регуляции отдельных религиозных практик.

Обзор литературы. Религиозное мировоззрение относится к предметной области междисциплинарных исследований, но значимый прогресс в его изучении произошел благодаря сдвигам в парадигме гуманитарного знания, связанным с развитием социологии культуры [8]. Регулируемые канонами или обычаем практики либо практики, основанные на суевериях, мы рассматриваем как культурные объекты, общие для членов изучаемого сообщества [9, р. 2]. Несмотря на иные культурные артефакты, люди продолжают испытывать потребность в переживании мистического, которое открывается «непосредственно через ритуальные встречи с сакральным»². Такую потребность можно удовлетворить без апелляции к канонам и церковным обычаям, что порождает формы религиозной идентичности, не требующие знания вероучения и даже принадлежности к единому сообществу (например, окултуренная религия [10, р. 211], религия наследия [11], вернакулярная религия³ и др.).

Принято считать, что религия представляет собой единую систему «верований и практик, объединяющих в одно нравственное сообщество, называемое Церковью

² Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 488.

³ Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // *Western Folklore*. 1995. Vol. 54, no. 1. Pp. 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>

всех тех, кто им привержен»⁴. Функционально она служит воспроизводству общества, члены которого солидаризируются с нормами, устанавливаемыми в контексте конкретного вероучения. Поэтому церковь занимается защитой нормативного пространства, в котором существует, работает на воспроизводство сообществ, проводит просветительскую деятельность, направленную на распознавание и искоренение суеверий и иных околоцерковных явлений, противоречащих официально декларируемым нормам. Важная характеристика этой деятельности – легитимация норм, представляющая собой социально объективированное знание, которое объясняет и оправдывает сложившийся социальный порядок⁵.

Православное сообщество консервативно, ориентировано на традиции, структурирующие практики его представителей. Для обозначения принципа, в соответствии с которым классифицируется та или иная практика, мы использовали введенное П. Бурдьё понятие габитуса⁶ как индивидуальной истории и социального опыта индивида. Оно позволяет очертить матрицу, заложенную в исследование восприятия норм, на которых основаны церковные и околоцерковные практики, а также субъективной оценки умений отличать их друг от друга.

В поле религии имеют соответствующий габитус, в первую очередь, те, кто относится к властным структурам (церковная иерархия, клирики) и те, кто признает нормы, выработанные внутри этого поля, и следует им (воцерковленные прихожане). Бурдьё акцентирует внимание на борьбе за капитал, которая разворачивается в каждом поле, одним из которых является и церковь: «В поле агенты и институты борются в соответствии с закономерностями и правилами, составляющими это пространство игры (а в некоторых случаях борются за эти самые правила) с различной силой и, следовательно, с различной вероятностью успеха, чтобы получить конкретную выгоду, которая стоит на кону в данной игре»⁷. Фактически, происходит борьба церкви с проявлениями символической власти, которая не ориентируется на институциональные практики.

Острота борьбы в поле религии обусловлена не только борьбой за символический капитал. В наиболее радикальной фазе борьбы религия, за которую отвечают профессионалы (священнослужители), противопоставляется магии, в которую могут верить прихожане⁸. В основе многих конфликтов между священнослужителями и прихожанами лежит противопоставление сакрального и профанного (например, если прихожане оказывают давление на нового священнослужителя, опираясь на сложившиеся практики, или более опытные прихожане инструктируют менее опытных, воспроизводя суеверия).

Итак, выявление способности членов православного сообщества работать с практиками, связанными с канонами, обычаями, суевериями, представляет

⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М. : Дело, 2018. С. 95–96.

⁵ Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М. : НЛЮ, 2019. С. 43.

⁶ Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 17–18.

⁷ Bourdieu P. (avec Loïc J. D. Wacquant). Réponses: Pour une anthropologie réflexive. Paris : Seuil, 1992. P. 78.

⁸ Бурдьё П. Генезис и структура поля религии // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 24.

важную исследовательскую задачу для социологии культуры. В данной статье предложен методологический инструментарий, разработанный для ее решения, имеющий как ограничения, так и перспективы для дальнейшего совершенствования.

Материалы и методы. Статья базируется на результатах авторского исследования, проведенного в октябре – ноябре 2022 г. среди священнослужителей и прихожан Мордовской митрополии Русской православной церкви⁹. Метод сбора первичной социологической информации – компьютерное веб-интервью, реализованное на платформе Google Forms. Поскольку строгие данные о структуре и численности изучаемых социальных групп отсутствуют (количество священнослужителей в регионе составляет примерно 500 чел., а доля прихожан, регулярно посещающих церковные службы, по различным социологическим замерам в целом по стране варьируется от 3 до 5 %¹⁰), реализован невероятный подход к формированию выборки. Рекрутирование респондентов осуществлялось посредством собственных сетей исследователей, выборки, управляемой респондентом, и выборки «место – время»¹¹. Все опрошенные проинформированы о цели работы и выразили готовность к сотрудничеству.

Применение простой вероятностной выборки представляется невозможным, поскольку группы священнослужителей и прихожан – трудно исследуемые (*hard-to-survey populations*) или труднодоступные (*hard-to-reach*) совокупности. Данные об их численности носят приблизительный характер, при этом доли среди населения в целом крайне невелики, но составление их досконального перечня – нетривиальная задача. Кроме того, границы группы прихожан крайне размыты, поскольку у исследователей отсутствуют унифицируемые подходы к их пониманию; вследствие этого прихожане крайне тяжело идентифицируются по результатам скрининговых вопросов массовых опросов населения, что занимает достаточно много времени, а сами вопросы могут восприниматься как сенситивные.

В исследовании участвовали 57 священнослужителей и 129 прихожан, их характеристики представлены в таблице 1. Опрос носит разведывательный характер, в его задачи входит апробирование инструментария, определение оптимальных способов формирования выборочной совокупности и релевантных аналитических процедур. Для обработки данных использована специализированная компьютерная программа IBM SPSS Statistics 26. С учетом размеров выборки и пилотного характера исследования для анализа результатов применялись методы описательной статистики и многомерного распределения признаков. Это позволило выявить различия в восприятии канонов, обычаев, суеверий между двумя группами опрошенных.

⁹ Республику Мордовия по ряду характеристик можно отнести к типичным регионам Поволжья, однако здесь фиксируется более высокий, чем по России в целом, уровень религиозности, и более низкий уровень воцерковленности [7].

¹⁰ Существуют различные методики измерения уровня воцерковленности, наиболее известная представлена В. Ф. Чесноковой (Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 297 с.), а ее критика – С. Д. Лебедевым, В. В. Сухоруковым [12].

¹¹ Подробные методологические преимущества и ограничения описаны А. А. Яковлевой [13].

Таблица 1. Характеристики респондентов, %¹²

Table 1. Characteristics of respondents, %

Характеристики / Characteristics	Священнослужители / Clergy	Прихожане / Parishioners
Пол / Gender:		
Мужской / Male	100	20
Женский / Female	–	80
Возраст, лет / Age, years:		
18–29	11	18
30–49	60	56
50 и старше / 50 and older	30	26
Место проживания / Place of residence:		
Город / Urban	60	76
Село / Rural	40	24

Респондентам предлагались общие определения каждой из изучаемых категорий, которые в дальнейшем нужно было соотнести с наблюдаемыми ими практиками. Мы исходили из тезиса, что в религиозном поле происходит борьба между агентами и институциями посредством определенных правил, а также за сами эти правила. С точки зрения официальной церкви, основные дисциплинарные правила, регулирующие жизнь верующих, – каноны¹³. Канонам противостоят суеверия. На границе между ними находятся обычаи, непротиворечащие канонам. Исходя из этого респондентам предложены следующие определения понятий: канон – церковное правило, которое действует в православной церкви и определяет ее устройство и порядок жизни христиан; обычай – неписанное правило, основанное на предании, которое не противоречит писаному церковному закону, при этом обязательность обычая основана на общей убежденности в его правильности и необходимости; суеверие – предрассудок, который не соответствует церковным правилам и может противоречить основам веры.

В опросах священнослужителей и прихожан использован единый инструментарий, включавший два модуля. Первый предполагал субъективную оценку респондентами собственных знаний о канонах, обычаях, суевериях. Второй состоял из тестовых заданий, направленных на выявление уровня реальных знаний о том, в каких ситуациях корректно говорить о канонах, обычаях, суевериях. Дополнительно респонденты, отвечая на открытые вопросы, могли рассказать об известных им религиозных обычаях, суевериях. При проектировании инструментария мы сознательно усилили его экспериментальными метриками.

Для субъективной оценки нами использовалась 10-балльная шкала, которая интерпретировалась следующим образом: от 0 до 3,9 балла – неудовлетворительный уровень знаний, от 4,0 до 4,9 – ниже среднего, от 5,0 до 5,9 – средний, от 6,0 до 6,9 – выше среднего, от 7,0 до 7,9 – хороший, от 8,0 до 8,9 балла – очень хороший и от 9 баллов и выше – превосходный. Каждая из рассматриваемых категорий (каноны, обычаи, суеверия) оценивалась отдельно, затем нами рассчитывалось среднее арифметическое трех значений.

¹² Все таблицы и диаграммы подготовлены авторами на основе результатов собственного исследования (октябрь – ноябрь 2022 г.).

¹³ В Русской православной церкви действует канонический корпус, принятый в I тысячелетии. См.: Каноны, или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016. 288 с.

Реальный уровень знания оценивался на основании количества правильных ответов на вопросы анкеты, в которой примерно равные блоки посвящены канонам, обычаям, суевериям. Полученные значения интерпретированы следующим образом: от 0 до 28 правильных ответов – неудовлетворительный уровень знаний, от 29 до 35 – ниже среднего, от 36 до 42 – средний, от 43 до 49 – выше среднего, от 50 до 57 – хороший, от 58 до 64 – очень хороший и от 65 и выше – превосходный.

Поскольку количество значений было достаточно большим для используемых нами объемов выборочной совокупности, в отдельных случаях снижена чувствительность используемых порядковых шкал: ниже среднего (неудовлетворительный, ниже среднего), средний и выше среднего (выше среднего, хороший, очень хороший и превосходный). Это позволило при построении двумерных распределений и проведении различных видов статистического анализа оперировать относительно наполненными группами.

При разработке тестового блока вопросов социологического инструментария использованы канонический корпус православной церкви (в соответствии с «Книгой правил»), а также обычаи, актуальные в Русской православной церкви, и суеверия, распространенные в Республике Мордовия и за ее пределами. Описание обычаев и суеверий получено от священнослужителей и членов их семей в ходе предварительного интервьюирования; также применялся корпус текстов православных сайтов и телеграм-каналов.

Результаты исследования. Самооценки священнослужителей и прихожан ожидаемо различались. Первые оценивали себя в среднем на 7,6 балла, вторые – на 6,0 баллов из 10. Выше всего представители и первой, и второй группы оценили свои способности идентификации суеверий – 8,4 и 6,5 баллов соответственно. Показательно, что среди священнослужителей декларируемый уровень знаний о канонах и обычаях примерно одинаков (7,2 против 7,1 балла), в то время как среди прихожан – 5,3 против 6,1 балла.

Реальный уровень знаний в обеих группах существенно различается. В среднем из 72 контрольных вопросов священнослужители ответили на 53, прихожане – на 39. Минимальное количество правильных ответов в первом случае составило 38, во втором – 12; максимальное – 69 и 58 соответственно. Наиболее сложные вопросы касались канонов и, как ни парадоксально, суеверий (табл. 2.).

Таблица 2. Наиболее сложные для респондентов вопросы

Table 2. The most difficult questions for respondents

Суждение / Judgment	Процент правильных ответов среди священнослужителей / Percent of correct answers among clergy	Процент правильных ответов среди прихожан / Percent of correct answers among parishioners
1	2	3
Нельзя использовать вилки на поминальных трапезах (<i>суеверие</i>) / Forks should not be used at memorial meals (<i>superstition</i>)	0	6
На свадьбе не подобает танцевать (<i>канон</i>) / Dancing is not appropriate at a wedding (<i>canon</i>)	5	2

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3
Если христиане женятся второй раз, они не могут пригласить на свадьбу священника (<i>канон</i>) / If Christians marry twice, they cannot invite a priest to the wedding (<i>canon</i>)	5	5
Нельзя справлять день рождения, если он приходится на Великий пост (<i>канон</i>) / You can't celebrate a birthday if it falls on Great Lent (<i>canon</i>)	14	8
Всю неделю после праздника Воскресения Христова нужно посещать храм (<i>канон</i>) / All week after the feast of the Resurrection of Christ, you need to visit the church (<i>canon</i>)	21	27
После причастия Святых Христовых Таин нельзя плевать, грызть семечки (<i>суеверие</i>) / After partake of the Holy Mysteries of Christ, one should not spit, nibble sunflower (<i>superstition</i>)	21	29
Брачующиеся должны получить согласие родителей на брак (<i>канон</i>) / People who marry must obtain parental consent (<i>canon</i>)	26	24
Женщинам нельзя посещать храм во время менструации (<i>суеверие</i>) / Women should not visit the church during menstruation (<i>superstition</i>)	30	32
Супруги должны воздерживаться от супружеского общения по согласию, особенно в субботу и воскресенье (<i>канон</i>) / Spouses should refrain from marital intercourse, especially on Saturday and Sunday, by mutual agreement (<i>canon</i>)	40	17
Нельзя уходить из храма до окончания литургии (<i>канон</i>) / It is forbidden to leave the church before the end of the liturgy (<i>canon</i>)	44	40

Примерно четверть прихожан (28 %) оценивают свои знания как низкие, каждый пятый (21 %) – как средние, половина (51 %) – выше средних. Детерминирующим фактором самооценки выступает возраст: доля высоких оценок в группе 18–29-летних респондентов составляет 78 %, а среди людей от 50 лет и старше – 56 %. Среди людей от 30 до 49 лет показатель снижается до 40 %. Кроме того, двумерные распределения признаков показывают, что среди мирян наблюдаются расхождения между субъективными и объективными оценками: в группе людей, чей уровень объективных знаний мы определили как низкий, лишь каждый второй опрошенный (49 %) дает сходные субъективные оценки; в группе со средними – каждый третий (36 %); в группе с высокими – две трети (65 %).

Иная ситуация наблюдается среди священнослужителей. Ниже среднего свои знания оценивают лишь 5 % опрошенных, средними их могут назвать 14 %, выше среднего – 81 %. Наиболее высокие самооценки даются респондентами от 30 до 49 лет (88 %), их доля снижается в группах людей от 50 лет и старше (71 %) и от 18 до 29 лет (67 %). Примечательно, что объективное тестирование ни в одном случае не выявило низкого уровня знаний у священнослужителей. В группе респондентов, чей уровень знаний мы определили как средний, сходные самооценки фиксируются у половины опрошенных (50 %); среди тех, у кого фиксируются высокие оценки, доля сходных оценок увеличивается до 84 %.

Наблюдается следующая тенденция: если респондент описывает уровень своих знаний как высокий, то, как правило, он способен различать каноны, обычаи, суеверия. Однако для священнослужителей характерно скорее занижение, а для прихожан – завышение своих религиозных компетенций. Вероятно, это обусловлено спецификой восприятия религии в целом, поскольку для первой группы – это призвание и профессия, а для второй – способ познания себя и мира, без погружения в специфику предмета. Подобные выводы требуют дальнейшей эмпирической проверки, поскольку исследование носит пилотажный характер, концентрируется лишь на наиболее ключевых доминантах.

Для выявления корреляции между признаками и последующего снижения размерности выполним процедуру факторного анализа. Поскольку его проведение не представляется возможным среди священнослужителей ввиду известных ограничений, связанных с недостаточными объемами выборки, сконцентрируемся на прихожанах. Мы использовали факторный анализ методом главных компонент с вращением матрицы факторных нагрузок варимакс с нормализацией Кайзера, примененный ко всему массиву ответов на тестовые вопросы. КМО составляет 0,527 при значимости по критерию сферичности Бартлетта 0,000, что в целом указывает на адекватность проведения подобной процедуры. Выделено четыре базовых фактора, которые в совокупности объясняют 28,5 % суммарной дисперсии¹⁴ (пятый и последующие факторы, исходя из графика собственных значений, плохо различимы между собой). В каждой из групп выделены переменные с наиболее высокими факторными нагрузками, по модулю превышающими 0,4 (табл. 3). Вероятно, с ростом объемов выборки связанность переменных внутри факторов будет усиливаться, что позволит улучшить качество проведенной процедуры. Но на данном этапе представляется важным из всего массива заложенных нами признаков выбрать те, которые образуют наиболее сильные взаимосвязи, поскольку инструментарий для планируемого массового опроса кажется нам избыточным.

Таблица 3. Типы информированности о канонах, обычаях и суевериях¹⁵

Table 3. Types of awareness about canons, customs and superstitions

Суждение / Judgment	Факторы / Factors			
	1	2	3	4
1	2	3	4	5
После Покрова нельзя убираться на кладбище (Божия Матерь положила одеяло, нельзя тревожить покойников) / After the Feast of the Protective Veil, you should not care for the graves (The Mother of God laid a veil, one should not disturb the dead)	0,625			
Родителям нельзя присутствовать на Таинстве Крещения / Parents are not allowed to attend the Sacrament of Baptism	0,573			

¹⁴ В литературе нет строгих указаний на необходимый размер объяснительной дисперсии, решение этого вопроса выходит за рамки строгих математических показателей. Тем не менее есть обоснованная нижняя граница в 30 % для прикладных социологических и маркетинговых исследований [14, с. 27], к которой наши показатели максимально приближаются.

¹⁵ Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 6 итераций. Отображены факторные нагрузки, превышающие [0,4].

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4	5
Купание на Крещение позволяет «смыть» все грехи / Bathing on Epiphany “washes away” all sins	0,499			
Если священник после исповеди не порвал бумагу с перечнем грехов кающегося, то кающемуся не простятся грехи / If a priest after confession did not tear the paper with the list of sins of a penitent, then the penitent’s sins will not be forgiven	0,489			
Венец над брачующимися не должна держать замужняя женщина / A married woman should not hold the crown over the spouses	0,486			
Близким родственникам усопшего нельзя нести гроб с его телом / It is not allowed for close relatives of the deceased to carry the coffin with his body	0,480			
Священник должен рекомендовать прихожанам, какой «сильной» иконе помолиться / The priest should recommend to the parishioners which the “strong” icon to pray	0,478			
Встретить священника на улице – к счастью / It is fortunate to meet a priest on the street	0,477			
Если живой человек использует мыло, которым обмывали покойного, он заболит и умрет / If a living person uses the soap that was used to wash the deceased, he will get sick and die	0,471			
Нельзя чистить зубы перед причастием Святых Христовых Таин / You can’t brush your teeth before the partake of the Holy Mysteries of Christ	0,462			
Если священник во время Венчания уронит кольцо, брак будет несчастлив / If the priest drops the ring during the church Wedding, the marriage will be unhappy	0,461			
Необходимо завешивать зеркала, если в доме покойник / It is necessary to cover up mirrors if there is a dead person in the house	0,452			
На Пасху необходимо христосоваться (в виде троекратного поцелуя) / On Easter it is necessary to kiss each other three times	0,635			
Необходимо устраивать поминальные трапезы по усопшим / It is necessary to arrange memorial meals for the deceased	0,562			
На воскресные и праздничные службы следует одеваться празднично / For Sunday and holiday Church Services you need to dress in your best	0,554			
Нужно класть под плащаницу мыло и порошок, чтобы потом «смыть» грехи с покойного / It is necessary to put soap and powder under the shroud in order to “wash away” the sins from the deceased later	0,497			
Необходимо приглашать священника для освящения жилища и рабочих кабинетов / It is necessary to invite a priest for house and office blessing	0,407			
Нельзя причащать умерших / The dead cannot be commune of the Holy Mysteries of Christ			0,557	
Женщинам нельзя входить в алтарь / Women are not allowed to enter the altar			0,531	
Самоубийц нельзя помянуть в храме / Suicides cannot be commemorated in the church			0,529	

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Нельзя отказать умирающему в причастии Святых Христовых Таин / It is impossible to refuse a dying person the communion of the Holy Mysteries of Christ			0,489	
Нельзя крестить умерших / The dead cannot be baptized			0,450	
Если мирянин не постится по средам и пятницам, его отлучают / If a layman does not fast on Wednesdays and Fridays, he will be excommunicated				0,656
Если мужчина женился на вдове или актрисе, он не может стать священником / If a man marries a widow or an actress, he cannot become a priest				0,620
Священнослужителям нельзя мыться и лечиться у иудеев / Priests are not allowed to bathe and be treated by the Jews				0,525
Если клирик посмеется над глухим или слепым, его отлучают / If a cleric laughs at the deaf or blind, he will be excommunicated				0,518
Если клирик или прихожанин без уважительной причины не посещает храм три воскресения подряд, то клирик извергается, а прихожанин отлучается / If a cleric or parishioner, without a valid reason, does not attend church three Sundays in a row, then the cleric will be expelled from the clergy, and the layman will be excommunicated				0,505

Выделенные факторы иллюстрируют усложняющийся характер знаний о религиозных практиках. В классической интерпретации вопрос о специфической природе религиозных верований и практик рассматривается через призму их отличий от морали и правовых установок¹⁶; мы предлагаем в контексте нашего исследования понимать под ними представления, закрепленные в церковной традиции – каноны и обычаи, противопоставляя их суевериям и околоцерковным заблуждениям.

Первый фактор отражает поверхностный уровень знакомства с канонами, обычаями и суевериями, полученный, вероятно, на основе реальных практик и социальных взаимодействий, а не на основе общения со священниками или чтения религиозных текстов. Чаще всего переменные, включенные в данный фактор, диагностируют способность отделить суеверия от обычаев и канонов.

Второй фактор объединяет переменные, характеризующие достаточно хорошую осведомленность о том, как следует вести себя в различных событийных ситуациях: праздники, похороны и пр.

Третий фактор включает переменные, диагностирующие высокий уровень знания канонов, связанных преимущественно со смертью и погребением.

Четвертый фактор группирует переменные, относящиеся к специальным религиозным знаниям, которые чаще базируются на канонах. В нем присутствуют знания, которые прихожане, как правило, могут получить или благодаря углубленному прочтению источников церковного права, или частому взаимодействию со священнослужителями, например, будучи членами их семей или работниками храма. Западные исследования свидетельствуют, что люди,

¹⁶ Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. С. 48.

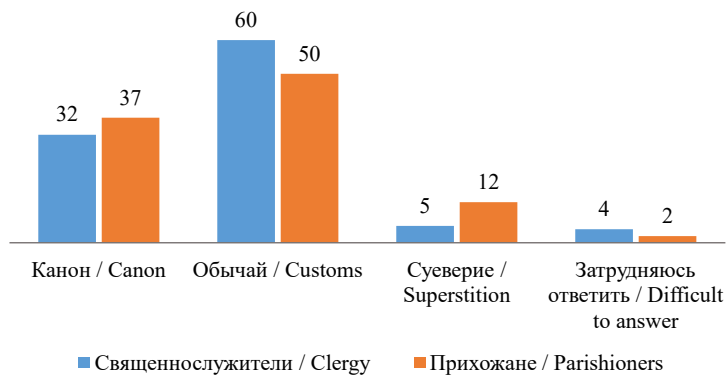
работающие в церкви, практически не подвержены суевериям, в отличие от тех, кто просто декларирует свою религиозность [15].

Показательны ответы священнослужителей и прихожан по отдельным вопросам. Первые лучше ориентируются в канонах, обычаях, суевериях как на субъективном, так и на объективном уровнях. Возможно, это связано с профессионализацией их деятельности, поскольку в программу их обучения включаются дисциплины, посвященные изучению церковного права. Прихожане же знакомятся с содержанием канонов через практику и просветительскую деятельность священнослужителей и посредством своего социального окружения.

По ряду вопросов, которые активно обсуждаются современным церковным сообществом, мнения респондентов существенно отличаются.

Можно выделить три группы ответов: большинство респондентов относят предложенную для оценки практику к нормативной, но часть полагает, что она регламентируется канонически, часть – церковным обычаем. Вторая группа ответов характеризуется тем, что существенная часть респондентов считает практику нормативной для церкви, но не менее значимая часть интерпретирует ее как ненормативную. Третья группа ответов отражает ситуацию, когда каноническая норма оценивается как суеверие.

Пример *первой группы ответов*. Большинство священнослужителей и прихожан полагают, что запрет на посещение храма женщинами в брюках нормативен: более половины считают его обычаем (правильный ответ), примерно треть относит к канонам¹⁷. В качестве суеверия практика рассматривается незначительной частью опрошенных (рис. 1).

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос, к чему относится запрет на посещение храма женщинами в брюках, %

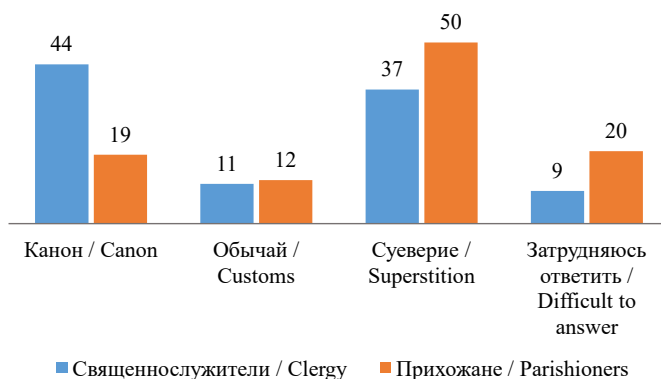
F i g. 1. Distribution of answers to the question, what does the prohibition on visiting the temple by women in trousers refer to, %

Рассмотрим пример из *второй группы ответов*. В совокупности более половины священнослужителей и треть опрошенных прихожан считают, что отлучение мирян, не соблюдающих пост по средам и пятницам, регламентировано

¹⁷ Согласно 13-му правилу Гангрского поместного собора, женщине нельзя одеваться в мужскую одежду. Однако оно относится к конкретной ереси и не имеет прямого отношения к посещению храмов. См.: Каноны, или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. С. 81.

нормами церковного права (каноном – правильный ответ). Тем не менее около трети священнослужителей и половины прихожан маркируют эту практику как суеверие, что может выступать обоснованием для того, чтобы игнорировать ее в повседневной жизни (рис. 2). Между тем соответствующая норма закреплена в ряде канонических правил (69-е Апостольское правило; 15-е правило св. Петра Александрийского).

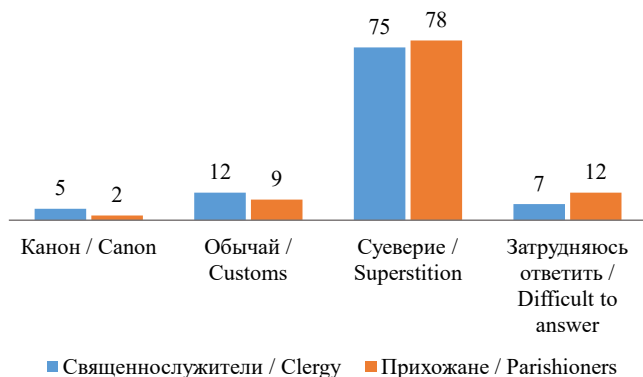
Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос, к чему относится отлучение мирянина, если он не постится по средам и пятницам, %

F i g. 2. Distribution of answers to the question, what is the excommunication of a layman if he does not fast on Wednesdays and Fridays refer to, %

Проанализируем специфику *третьей группы ответов*. Запрет танцевать на свадьбе, введенный 53-м правилом Лаодикийского собора, подавляющее большинство священнослужителей и прихожан считают суеверием (неправильный ответ). Те, кто «узнал» канон (правильный ответ), оказались в абсолютном меньшинстве, здесь стоит говорить о единичных случаях (рис. 3). Это можно объяснить тем, что сегодня запрет практически не соблюдается ввиду того, что свадьба воспринимается не как церковное, а как гражданское мероприятие (из православных норм при ее проведении учитываются даты постов и, реже, отношение к постной пище гостей). Лаодикийский собор (364 г.) сформулировал правило с учетом существующей на тот момент религиозной, социальной и политической ситуации. Христиане не должны были вести себя так же, как язычники, но демонстрировать скромность и иные христианские добродетели. Своим неподобающим поведением в публичных местах, в том числе на свадьбах, христиане могли дискредитировать общину, поэтому правило звучит следующим образом: «Не подобает христианам, на браки ходящим, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обедати, как прилично христианам»¹⁸. В современном обществе некорректное поведение христианина влечет, в основном, индивидуальные репутационные риски, а не групповые. Кроме того, языческие практики почти исключены из свадебных обрядов. Появились современные свадебные атрибуты, не укорененные в язычестве

¹⁸ Каноны, или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. С. 99.

либо утратившие с течением времени семантическую связь с языческими обрядами. Вероятно, в этой связи запрет танцевать на свадьбах сегодня воспринимается как суеверие.

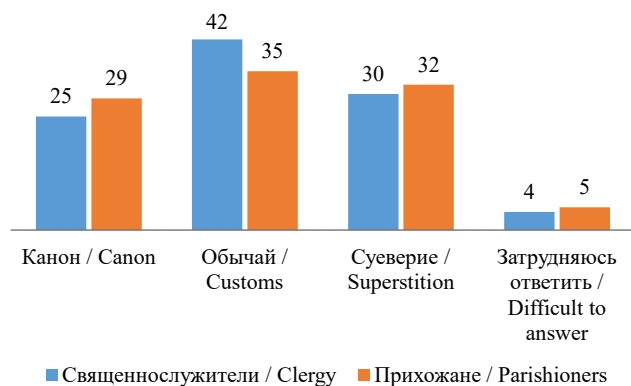

Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос, к чему относится запрет танцев на свадьбе, %
F i g. 3. Distribution of answers to the question, what does the prohibition on dancing at a wedding refer to, %

Далее приведем пример, в котором мнения респондентов распределились практически поровну между каноном, обычаем, суеверием. Речь идет о запрете женщинам посещать храм во время менструации. Только треть опрошенных священнослужителей и прихожан маркировали эту практику как суеверие (правильный ответ). Большая часть респондентов воспринимают запрет как нормативный, хотя он не закреплен канонически и не имеет оснований в вероучении. Показательно, что примерно каждый четвертый опрошенный считает запрет на посещение храма во время менструации каноном, более трети – обычаем (рис. 4). Это свидетельствует о том, что «женский вопрос» требует обсуждения. Канон, запрещающий женщинам «в нечистоте» причащаться, в самом деле существует (2-е правило св. Дионисия Великого), как и новейший церковный документ¹⁹, где воспроизводится эта норма, однако вопрос о посещении храма не регламентирован. Возможно, в церковном сознании эти практики слились в одну, однако причины подобного рода интерпретации представляют самостоятельный предмет изучения.

Обозначенные группы ответов не исчерпывают всего многообразия результатов: вне анализа остались ситуации, когда большинство респондентов корректно оценивали практики или затруднились ответить. Также за пределами анализа остались ответы на открытые вопросы, где респонденты описывали суеверия и церковные обычаи, о которых им известно. Данные ответы могут быть использованы в дальнейших исследованиях восприятия православных церковных норм и практик.

¹⁹ Об участии верных в Евхаристии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3981166.html> (дата обращения: 17.11.2022).

Р и с. 4. Распределение ответов на вопрос, к чему относится запрет на посещение храма женщинами во время менструации, %

Fig. 4. Distribution of answers to the question, what is the prohibition on women visiting the temple during menstruation refer to, %

Обсуждение и заключение. Во-первых, религиозное сознание прихожан в ряде случаев редуцировано к знанию нескольких наиболее важных с их точки зрения практик. Сами практики могут регулироваться как канонами, так и обычаями – четкого разделения между ними не прослеживается. Более того, представления об отдельных религиозных практиках подвержены влиянию околоцерковных суеверий. Выдвинутый более десятилетия назад тезис, что активное суеверное поведение свойственно незначительной доле верующих [16, с. 95], сегодня верен лишь частично: в действительности людям свойственно в большинстве случаев не дифференцировать практики на нормативные и ненормативные, хотя при этом они могут искренне декларировать свое неприятие суеверий. Священнослужители, получившие духовное образование, лучше разбираются в вопросе идентификации канонов, обычаев, суеверий, но и у них случаются ошибки.

Во-вторых, нормативные религиозные требования выполняют роль идеальных факторов, имеющих принципиальную значимость для упорядочения социальной жизни прихожан и священнослужителей. Предпосылки для подобных выводов можно найти в западных исследованиях²⁰. Безусловно, факт знания норм и их источников напрямую не свидетельствует об их исполнении, здесь необходима дополнительная аналитика. Однако само знание, пусть даже выраженное в общем уровне информированности, выполняет роль основания для социальных действий.

В-третьих, фиксируется расхождение в самооценках и правильности ответов на тестовые вопросы среди священнослужителей и прихожан. Первые более критично оценивают свои компетенции, что сказывается на занижении показателей восприятия своего экспертного знания; вторые достаточно высоко оценивают свои компетенции в различии нормативного и ненормативного религиозного поведения, однако реальный уровень знаний у них гораздо ниже заявленного. Скорее всего, причина в том, что священнослужители – образованная

²⁰ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. С. 58–59.

группа населения, регулярно изучающая специальную литературу и имеющая соответствующую подготовку, а прихожане получают отрывочные религиозные знания от священнослужителей, таких же прихожан, непроверенных интернет-источников. При этом сама по себе возможность контакта клирика и не-клирика ограничена, поскольку потенциальные временные затраты на их личное общение не перекрывают потребностей даже 3–5 % населения, регулярно посещающих храмы [17, с. 46].

В-четвертых, выделяется несколько факторов, которые группируют переменные, позволяющие диагностировать уровень знаний респондентов о религиозных практиках. Первый фактор отображает поверхностные представления о канонах, обычаях, суевериях; второй – знания о нормах поведения в событийных ситуациях; третий – знания о правилах поминания и погребения умерших; четвертый – глубокие знания о нормах, регулирующих деятельность священнослужителей. В перспективе это позволяет сократить число вопросов в предлагаемом инструментарии, таким образом сделав его более доступным для прохождения и снизив число потенциальных неотчетов, а также подготовив его к дальнейшему кластерному анализу для сегментации различных групп прихожан.

В ходе исследования апробирован социологический инструментарий, позволяющий выявить субъективный и объективный уровни знаний респондентов о канонах, обычаях, суевериях. Протестирована возможность изучения двух трудно исследуемых групп – прихожан и священнослужителей – посредством компьютерного веб-интервью, предполагающего реализацию различных стратегий рекрутинга. Подавляющее большинство опрошенных не испытывали трудностей с заполнением электронной версии анкеты.

Выявлено, что священнослужители имеют более адекватную самооценку знаний, чем прихожане. Показано, что в отдельных случаях в восприятии большинства респондентов границы между канонами, обычаями и суевериями достаточно условны. У опрошенных не возникало разногласий по поводу определения самих понятий (каноны и обычаи отвечают за область нормативного, суеверия – ненормативного), но диагностированы разные оценки нормативности тех или иных практик. В дальнейших исследованиях по данной проблематике представляется возможным использовать предложенную интерпретацию понятий «канон», «обычай», «суеверие» и учитывать оценку респондентами практик как нормативных или ненормативных.

Полученные результаты способствуют развитию научных представлений о религиозном сознании и его влиянии на религиозные нормы и практики, а также расширению представлений об уровнях воцерковленности. Материалы статьи могут быть полезны при проектировании курсов для священнослужителей, в которых будут затрагиваться вопросы нормативного характера. Дальнейшая перспектива изучения проблем восприятия православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами видится нам в переходе с регионального уровня на национальный (с учетом обозначенных ограничений методологического характера), что предполагает дальнейшее масштабирование предложенной методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пруцкова Е. В. Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 2. С. 243–260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.14>
2. Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы // Мониторинг общественного мнения. 2022. № 2. С. 454–476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>
3. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/filatov_lunkin_religion.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
4. Маркин К. В. Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 2. С. 274–290. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>
5. Рыжова С. В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 44–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
6. McCleary R. M., Barro R. J. Religion and Political Economy in an International Panel // Journal for the Scientific Study of Religion. 2006. Vol. 45, issue 2. Pp. 149–175. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2006.00299.x>
7. Богатова О. А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 114–122. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Bogatova.pdf> (дата обращения: 07.12.2022).
8. Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культуросоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/06/1211606385/9_2_03.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
9. Ochoa N. R. Template Matching and Moral Judgment: A New Method and Empirical Test // Poetics. 2022. Vol. 92, part B. Article no. 101643. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101643>
10. Astor A., Mayrl D. Culturalized Religion: A Synthetic Review and Agenda for Research // Journal for the Scientific Study of Religion. 2020. Vol. 59, issue 2. Pp. 209–226. <https://doi.org/10.1111/jssr.12661>
11. Burchardt M. Regulating Difference: Religious Diversity and Nationhood in the Secular West. New Brunswick : Rutgers University Press, 2020. 254 p. <https://doi.org/10.36019/9781978809635>
12. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118–126. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_1/Lebedev.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
13. Яковлева А. А. Исследования в труднодоступных группах: опыт использования выборки, управляемой респондентом, и выборки «место – время» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 57–79. URL: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3721> (дата обращения: 07.12.2022).
14. Воронин Г. Л. Еще раз о «кластерах на факторах» // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 21–34. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/1156> (дата обращения: 07.12.2022).
15. Toggler B. Determinants of Superstition // The Journal of Socio-Economics. 2007. Vol. 36, issue 5. Pp. 713–733. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2007.01.007>
16. Синелина Ю. Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 89–95. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-04/Sinelina.pdf> (дата обращения: 07.12.2022).
17. Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 32–48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.02>

Поступила 09.01.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

Об авторах:

Коваль Екатерина Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры уголовного права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (430003, Российская Федерация, г. Саранск,

ул. Федосеенко, д. 6.); ведущий научный сотрудник Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Ушкин Сергей Геннадьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а); исследовательский менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения (119072, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>, ushkinsergey@gmail.com

Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского индустриального университета (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Жадунова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, директор Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. А. Коваль – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов; критический анализ и доработка текста.

С. Г. Ушкин – обработка и анализ информации; визуализация результатов исследования; подготовка первоначального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

А. А. Сычев – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Н. В. Жадунова – разработка социологического инструментария; сбор информации; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Prutskova E.V. Easter Cakes and/or Eucharist: Typology of Orthodox Christians Participating in the Blessing of Easter Food. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(2):243–260. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.14>
2. Ostrovskaya E.A. Alternative Media Discourse about the ROC: Orthodox Telegram Channels. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2022;(2):454–476. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>
3. Filatov S.B., Lunkin R.N. [Statistics of Russian Religiosity: the Magic of Numbers and Ambiguous Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2005;(6):35–45. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/filatov_lunkin_religion.pdf (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
4. Markin K.V. Between Belief and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(2):274–290. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>
5. Ryzhova S.V. Religiosity in the Context of the Culture of Trust. *Sociological Journal*. 2017;23(3):44–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
6. McCleary R.M., Barro R.J. Religion and Political Economy in an International Panel // Journal for the Scientific Study of Religion. 2006;45(2):149–175. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2006.00299.x>
7. Bogatova O.A. [Religious Identity and Religious Practices in Mordovia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;(8):114–122. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Bogatova.pdf> (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
8. Alexander J.C., Smith Ph. Strong Program in Cultural Sociology. *Russian Sociological Review*. 2010;9(2):11–30. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/06/1211606385/9_2_03.pdf (accessed 07.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Ochoa N.R. Template Matching and Moral Judgment: A New Method and Empirical Test. *Poetics*. 2022;92(Part B):101643. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101643>
10. Astor A., Mayrl D. Culturalized Religion: A Synthetic Review and Agenda for Research. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2020;59(2):209–226. <https://doi.org/10.1111/jssr.12661>
11. Burchardt M. Regulating Difference: Religious Diversity and Nationhood in the Secular West. New Brunswick: Rutgers University Press; 2020. <https://doi.org/10.36019/9781978809635>
12. Lebedev S.D., Sukhorukov V.V. [A Narrow Path to Wrong Place?] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013;(1):118–126. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_1/Lebedev.pdf (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
13. Yakovleva A.A. Studies of Hard-to-Reach Populations: the Experience of the Respondent-Driven Sampling and Time-Location Sampling. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 2011;(33):57–79. Available at: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3721> (accessed 07.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Voronin G.L. One More Time about “Clusters on Factors”. *Sociological Journal*. 2010;(3):21–34. Available at: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/1156> (accessed 07.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Togler B. Determinants of Superstition. *The Journal of Socio-Economics*. 2007;36(5):713–733. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2007.01.007>
16. Sinelina Yu.Yu. [Orthodoxes and Muslims: Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;(4):89–97. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-04/Sinelina.pdf> (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
17. Emelyanov N.N. Religiosity Paradox: Where do Believers come from? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(2):32–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.02>

Submitted 09.01.2023; revised 03.03.2023; accepted 13.03.2023.

About the authors:

Ekaterina A. Koval, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice (6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russian Federation); Leading Researcher, Institute for Corporate Education and Continuing Education, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Sergey G. Ushkin, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Social Processes Monitoring Department of Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Chmelnickogo St., Saransk 430005, Russian Federation); Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (38 Prechistenka St., Moscow 119072, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>, ushkinsergey@gmail.com

Andrey A. Sychev, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation); Leading Researcher Industrial University of Tyumen (38 Volodarskogo St., Tyumen 625000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Natalia V. Zhadunova, Cand. Sci. (Philos.), Director, Institute for Corporate Education and Continuing Education, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Contribution of the authors:

E. A. Koval – collection, processing and analysis of information; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

S. G. Ushkin – processing and analysis of information; visualization of research results; preparation of the initial version of the text; critical analysis and revision of the text of the article.

A. A. Sychev – examination of the conception; critical analysis and revision of the text of the article.

N. V. Zhadunova – development of sociological tools; collection of information; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.